

Хенк ван Хаутум

Вне «бордеризма»:

ПРЕОДОЛЕВАЯ ДИСКРИМИНАЦИОННЫЕ
ПРАКТИКИ РАЗГРАНИЧИВАНИЯ,
УПОРЯДОЧЕНИЯ И ИНАКОВЛЕНИЯ^{*1}

Henk van Houtum

Beyond “Borderism”: Overcoming Discriminative B/Ordering and Othering

Хенк ван Хаутум (Университет Неймегена, Неймегенский центр исследования границ, профессор; PhD) henk.vanhoutum@ru.nl.

Henk van Houtum (PhD; Professor, Nijmegen Centre for Border Research, Radboud University Nijmegen) henk.vanhoutum@ru.nl.

Ключевые слова: разграничивание, упорядочение, инаковление, моделирование по-границы, ландшафты, бордеризм, стены, тщеславия, бумажные границы

УДК: 910.1+327

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_18

Теперь, спустя двадцать лет после выхода нашей статьи «Разграничение, упорядочение и инаковление», редколлегия «Журнала экономической и социальной географии» попросила меня оглянуться на генезис этого текста и прокомментировать оценки его неослабевающей актуальности и сохраняющегося влияния, предложенные Анssi Пааси, Бастианом Фольмером, Джеймсом Скоттом и Кьярой Брамбильой на этом «Форуме»². Для этого я сначала объясню, что послужило источником вдохновения для нашего эссе, и вкратце вернусь въдвинутой нами геополитической трехчастной модели; затем обсуджу размышления комментаторов в контексте сжатого анализа развития, которое претерпела с тех пор область исследования границ; и, наконец, загляну вперед и предложу, опять-таки с опорой на их размышления, краткую исследовательскую программу решения существующих и будущих проблем разграничения, упорядочения и инаковления.

UDC: 910.1+327

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_18

Now, 20 years after our article “Bordering, Ordering and Othering”, the editorial team of *TESG* has asked me to look back on its formation, and to comment on the appraisals of its continued relevance and influence offered by Anssi Paasi, Bastian Vollmer, James Scott and Chiara Brambilla in this Forum. To this end, I will first explain what the inspiration was for our essay and will shortly revisit the geopolitical triadic frame that we proposed; then, I will discuss the reflections of the commentators while briefly analyzing how the field of border studies has developed; and lastly, I will look ahead and offer, also using their reflections, a brief research agenda to address present and upcoming b/ordering and othering challenges.

* Перевод выполнен по изданию: *Houtum H. van. Beyond “Borderism”: Overcoming Discriminative B/Ordering and Othering // Forum: Revisiting “Bordering, ordering and othering”*. 2021. Vol. 112 (1). P. 34–43.

1 Слово “othering”, как и некоторые другие используемые ван Хаутумом англоязычные термины (например, “bordering”, также переводимое как «разграничение» и «ограничение»), пока не имеет общепринятого перевода на русский язык; наряду с выбранным встречаются варианты «инакование», «очуж(д)ение», в определенном контексте также «экзотизация». — Прим. пер.

2 Имеется в виду спецвыпуск нидерландского «Журнала экономической и социальной географии». — Прим. пер.

Высокая, толстая, красивая стена

«Это будет высокая, толстая, красивая стена!» — такие печально известные слова выкрикнул несколько лет назад на митинге в Сан-Хосе президент Дональд Трамп [Finnegan 2016]. Хотя он явно знал, что в доступных районах уже и так имеется огромное пограничное заграждение, которое усиленно патрулируется [Boedeltje, Houtum 2020], его возбуждение по поводу будущего великолепия «его» стены следует понимать как нечто большее, чем дикий утробный клич отдельно взятого лидера- популиста. Напротив: в последнее время всевозможные новые меры пограничного контроля вводятся и в других местах. От Бразилии, Индии, Китая, Северной Кореи, Турции, России и США до таких стран, как Италия, Греция, Венгрия и Польша, мы видим растущее желание дальнейшего укрепления границ во имя защиты и очищения самопровозглашенной идентичности/субъектности (id/entity). И, пожалуй, одним из главных строителей новых заграждений выступает ЕС в целом. Может, он и не нахваливает свои заборы так же открыто, как популистский лидер Трамп, однако в последние лет двадцать ЕС вкладывает значительные средства во всевозможные новые пограничные заграждения и (материальное) упрочение границ [Houtum, Bueno Lacy 2020]. Таким образом, по всему миру в целом наблюдается устойчивое приумножение того, что для краткости часто именуют стенами [Vallet, David 2012]. Конечно, после 1989 года, когда пала Стена и ненадолго стали популярными мантры о «глобальной деревне» и «мире без границ», число таких укрепленных границ несколько снизилось, но это сокращение роста стен из-за дальнейшего открытия границ (debordering) и глобального утопического духа мира без границ (disbordering) оказалось лишь кратковременным. Особенно те субъекты, которые используют большую часть мировых ресурсов идерживают самую высокую долю мировых доходов, такие как США, Австралия и ЕС, только продолжили укреплять границы вокруг своих территорий. И особенно резко выросло число стен, призванных ограждать от определенных других, после терактов в США 2001 года. Так что «высоких, толстых, красивых стен» предостаточно.

Продолжая размышлять об этой разграничительной тенденции, можно было бы с удивлением отметить тот факт, что в XXI веке, в эпоху технологий и быстрого электронного взаимодействия, классической реакцией по-прежнему остается возвращение к архетипу стен, как будто страны — это средневековые замки или римские города. Кроме того, с точки зрения безопасности одних стен явно недостаточно, поскольку происхождение терроризма во многом внутреннее. Здесь и в самом деле было бы чему удивиться, если бы речь действительно — или исключительно — шла о стенах кирпичных или бетонных. Однако на самом деле термин «стена» вводит в заблуждение.

Во-первых, обычно новые пограничные укрепления строятся не из кирпича или бетона: по большей части это заграждения из стали и/или колючей проволоки, нередко оснащенные высокоразвитой (биометрической) технологией сканирования, особенно в случае с границами воздушных гаваней. Вот и Трамп, говоря о своей стене, представлял и желал, чтобы она была просто бетонной, но пограничники убедили его, что эффективнее сохранить уже существующую конструкцию — капитальный забор из стальных столбов с промежутками, оборудованный сканирующей технологией для отслеживания передвижений тех,

кто вознамерится пересечь границу нелегально [Finnegan 2016]. Поэтому прививать (новые) пограничные барьеры и укрепления к простым стенам — значит упускать из виду локальные, контекстуальные вариации их архитектуры и (жестокой) эстетики, а по сути еще и потворствовать ложной (популистской) идее, согласно которой границы остаются бетонными крепостными стенами.

Во-вторых, сегодня самые непреодолимые и бездушные стены, вопреки расхожему мнению, сделаны не из таких крепких и прочных материалов, как бетон, сталь и тому подобное: самые жесткие границы сделаны из бумаги [Houtum, Bueno Lacy 2020]. Ведь именно *бумажные «стены»* виз четко определяют и отделяют внутреннее население от внешнего мира. Виза — это условное разрешение на въезд в определенную страну. Именно посредством этих визовых *предграниц* людям прежде всего и блокируется доступ, причем нередко издалека, в пространственном отрыве от собственно пограничного заграждения или стены *in situ*, из консульства или посольства в их родной стране [Ibid.; Houtum, Uden 2021]. Таким образом, многие дискреционные решения о въезде, которые, как мы наблюдаем в основном на примере США и ЕС, бывают в буквальном смысле смертельными, географически вынесены за пределы непосредственной видимости, что дополнительно усиливает «незрелищность» (non-spectacle) бумажных границ. Разрешение на въезд в ту или иную страну основывается на дискриминационной таксономии, поскольку принимается исходя прежде всего из национального происхождения (места рождения) соискателя. Граждане стран из произвольно составленного «отрицательного» списка перед поездкой должны обращаться за визой, в которой им нередко отказывают, особенно такие богатые государства, как страны ЕС, Австралия и США [Mau et al. 2015]. Даже когда человек вынужден мигрировать из-за угрозы жизни, единственным выходом часто оказывается путешествовать *sans papiers*, нелегально, без возможности сесть на самолет и выбрать безопасный маршрут. Именно из-за этих нелегальных перемещений, которые, таким образом, порождаются отказами в легальном въезде и создают рынок для контрабанды и преступности, многие государства и чувствуют потребность дополнительно упрочить свои границы *in situ* физическими препятствиями. Поэтому ошибкой было бы рассматривать одни лишь бетонные и железные «стены», видя в них выражение и синоним государственных границ, без учета предыстории и более широкого контекста. Ведь это не бетонные стены или заборы, охраняемые с оружием, а внешние бумажные «стены», охраняемые при помощи карандашей и компьютеров, выступают первой и важнейшей линией государственной обороны [Houtum, Uden 2021].

В-третьих, когда речь заходит о стенах, из виду обычно упускаются люди. Стена есть всего лишь физическое препятствие для линейного движения, что само по себе еще не делает ее границей: контекст и смысл конкретной границе придают люди. Граница должна признаваться другими как граница на международном (правовом) уровне. И именно люди, живущие за определенной границей, должны ее внешне и внутренне принимать. Кроме того, превращение стены как морфологического объекта в реальный, практический юрисдикционный порог и ее функционирование обеспечивают пограничники, уполномоченные законом охранять и патрулировать эту стену [Houtum 2010b; 2019]. Аналогичным образом именно совокупность людей, живущих вблизи пограничных барьеров (borderlanders, жителей приграничья), и людей, пересекающих какую-либо границу (бизнесменов; людей, ежедневно ездищих на работу

в город; туристов; мигрантов), коллективно создает и формирует значение и интерпретацию этой границы. Поэтому при изучении геометрии власти следует принимать во внимание не только линии на карте и песке, но и то, как, когда и где люди наделяют пространственные различия власти смыслом и преобразуют их в повседневные практики [Houtum 2010b]. Таким образом, граница есть нечто гораздо большее, чем просто защитная стена. Это средство выражения, презентации, прославления или отвержения некоего «здесь», некоего «мы» и некоего «они». Поэтому для того чтобы понять, зачем нужны и как устроены границы, важно не только увеличивать, но и уменьшать масштаб, отстраняясь от линейной гегемонии и морфологии границы, равно как и от постулируемой, однако грубой дихотомии между миром открытых границ (debordered) и миром заново укрепленных границ (rebordered), и осмысливать границу как непрерывно осуществляющую контекстуальную работу, зависящую не только от своих материальных условий, но и от повседневного социального конструирования «здесь», «мы» и «они».

Именно эту последнюю перспективу взгляда за пределы видимых линий, позволяющую сфокусироваться на социальном производстве и контекстуальном смысле границ, мы с моим ныне вышедшем на пенсию коллегой Тоном ван Нарсеном и хотели выдвинуть на первый план двадцать лет назад. Ниже я сначала еще раз рассмотрю, а также расширю триаду разграничивания, упорядочения и инаковления, предложенную нами для изучения пограничных конструкций. Затем я вкратце обсуджу развитие исследований границ/разграничивания после той статьи, включив сюда комментарии четырех участников этого «Форума». В конце я сосредоточусь на опасном расцвете того, что я назвал бы *бордеризмом*, — дискриминационной, нативистской политики разграничивания, упорядочения и инаковления.

Возвращаясь к триаде разграничивания, упорядочения и инаковления

Обычно у государства есть границы, но границы — это не государство. Напротив, они представляют собой непрерывное динамичное производство. Прочность границы (государства, города, района или любой другой демаркированной территории) зависит от ее ежедневного правового обеспечения, перформативного производства и баланса между признанием и противодействием со стороны причастных акторов. Дабы акцентировать этот аспект созидания, этот динамичный и многослойный процесс построения границ, в нашей статье для «Журнала экономической и социальной географии» 2002 года мы обозначили границу при помощи не существительного, а глагола, использовав вместо имени активную форму с окончанием *-ing*: «bordering», «разграничение». А чтобы подчеркнуть, что нескончаемый, (транс)формирующий процесс разграничивания неизбежно подразумевает постоянное совместное формирование и совместную демаркацию социально упорядоченной идентичности (некоего «мы») и конститутивного внешнего (некоего «они»), мы соединили его со словами *упорядочение* (*ordering*) и *инаковление* (*othering*). Эту триаду геополитического разграничивания, упорядочения и инаковления следует понимать не как последовательный, а как контекстуальный, пронизанный внутренними взаимосвязями процесс, который с разной степенью интенсивности, инклю-

зивности и открытости постоянно и динамично протекает на всех трех уровнях одновременно.

То, что мы обозначили как *разграничение*, сигнализирует о длящемся геополитическом притязании на некое территориальное «здесь», отличаемое в пространстве от воображаемого «там», о присвоении и демаркации этого «здесь». Способы создания и обозначения пределов присвоенной территории могут быть и бывают многообразными (см. также: [Vollmer 2021]). Наиболее очевидны, пожалуй, такие явные инструменты пограничной власти, как законы, укрепления, барьеры, заграждения, визы, (биометрическое) сканирование и так далее, которые охраняются, патрулируются и иным образом проводятся в жизнь. Однако популярные геополитические и иконологические исследования убедительно показали, что такие перформативные коммуникации и презентации, как карты, флаги, муралы, символы, мифологии, (исторические) нарративы и другие виды банального пространственного фетишизма (см. также: [Paasi 2021]), тоже играют значимую роль в маркировании «здесь» и «там». Визуальное оформление и нарративная передача территориальных притязаний — неотъемлемые элементы процесса разграничения. Предвыборный клич Трампа о «высокой, толстой, красивой стене» — яркая популистская иллюстрация такого перформативного притязания на власть [Boedeltje, Houtum 2020].

То, что мы назвали *упорядочением*, означает постоянное социальное конструирование Мы-сообщества и идентичности в ограниченном пространстве. Самосконструированное «Мы» определяется как норма, относительно которой затем обычно определяются отклонения и исключения [Houtum 2010a]. Уроженцы (natives) этого самоопределяемого «Мы» преимущественно рассматриваются как «естественные» (natural) члены сообщества в силу уз почвы или крови (ius soli и ius sanguinis), призванные составлять гомогенный в пространственно-историческом отношении народ, отличный от воображаемых чужаков (non-natives), обладающих аналогичной пространственно-исторической устойчивостью. «Соотечественникам» с младых ногтей прививают идентичность и знание политического порядка. Гомогенизация, стандартизация и предписание «собственных» пространства, населения и культуры [Scott 1998] осуществляются, например, посредством территориально определяемой языковой политики, образования, демографии, топографии, географии и истории [Paasi 1997; Scott 1998; Schimanski, Wolfe 2017]. Благодаря избирательной исторической памяти, прославлению иувековечению воображаемого сообщества [Anderson 1983] те, кто «борется» или «боролся» за «Мы», даже если пространственная структура этого «Мы» является собой анахронизм, обычно считаются героями, которые изображаются безуказненно нравственными, храбрыми, добрыми и преподносятся в качестве образцов для «характера» самосконструированной идентичности; все вместе это формирует коллективное знание, передаваемое новым коренным жителям и приезжим.

Третий выделенный нами элемент, участвующий в постоянном конструировании пространственно-политической идентичности/субъектности, связан с *инаковлением*. При помощи набора властных механизмов, таких как хронополитика, геополитика и биополитика, сфабрикованные маркеры различий обеспечивают противопоставление определенным другим, причем относимые к категории других меняются со временем и в пространстве [Sibley 1998; Mouffe 2000; Houtum 2010a; Paasi 2021; Vollmer 2021].

Посредством хронополитического инаковления (то есть политики времени) утверждения о развитости ограниченного и упорядоченного субъекта сравниваются с таковыми о других, что часто приводит либо к восхваляющим («лучшие прогрессивные практики»), либо к антагонистическим, иногда даже дискриминирующими ярлыкам, наподобие «менее современные», «отстающие», «традиционные» или даже «отсталые», малые народы [Wolf 1982].

Геополитическое инаковление отделяет нативную принадлежность и идентичность от ненативной. К чужакам, желающим стать членами сообщества, особенно в случае с национальным государством, обычно применяется политика интеграции, экзаменов на гражданство, а для получения ими полноценного членства — процедура и ритуал «натурализации» (как будто речь о втором рождении). Если люди мыслятся как «естественные» жители воображаемого геополитического сообщества, в котором они родились, то отсюда следует, что Другие имплицитно «противоестественны» (unnatural), а это потенциально служит питательной средой для всевозможных ксенофобных предрассудков, включая дискурсы нагнетания страха и поисков козла отпущения, облекаемые в слова, изображения, числа и карты [De Genova 2018; Houtum, Bueno Lacy 2019; 2020; Vollmer 2021]. Что касается последнего пункта, не так давно мы обозначили переплетение картографии и геополитики как *картополитику* (cartopolitics) [Houtum 2012; Bueno Lacy, Houtum 2015; Houtum, Bueno Lacy 2020] — политическое разграничение, упорядочение и инаковление посредством географического воображения карт.

В случае государств *биополитическое* инаковление еще больше совершенствует процедуры исключения, навязывая телу процедуры тестирования для проверки членства (например, при помощи современных технологий биометрии и биобезопасности; см. также: [Paasi 2021]), и конструируя воображаемые образы, подчас даже порочащие, «чужих» фенотипов. В пространственно-временном отношении биополитическое инаковление часто усугубляется созданием на границе очередей *ожидания* или даже лагерей ожидания как полувременных пунктов размещения исключенных, принижаемых Других [Agamben 2005; Houtum 2010a; Houtum, Bueno Lacy 2020].

Разграничение и упорядочение как ресурс

Предложенную выше триаду можно рассматривать как условную модель, примерный план анализа и деконструкции производства границ и идентичности/субъектности [Paasi 2021]. Приятно видеть, что она, как утверждают участвующие в этом «Форуме» комментаторы, сыграла роль в раскрепощении и распространении теоретической перспективы рассмотрения границ не как неподвижных линий сетки, а как динамичных социально-политических конструктов, допускающих множество интерпретаций (например, [Paasi 1997; Houtum 2005; Wastl-Walter 2011]; см.: [Paasi 2021]). Вместе с тем я полагаю, что нашу попытку инициировать и продолжить дискуссии о границах при помощи нашей статьи во многом следует рассматривать как проявление коллегиального духа и стремления выработать новую программу в области исследований границ в тот период конца 1990-х — начала 2000-х годов (см. также: [Ibid.]). Должен также добавить, что ободряющий *Zeitgeist*, который витал тогда в среде пока еще сравнительно немногочисленных исследователей границ, с тем чтобы обно-

вить давно устоявшийся преимущественно этатистский и весьма статичный взгляд на границы [Houtum 2005], был не в последнюю очередь вдохновлен плодотворным социально-конструктивистским подходом к границам, изложенным Пааси в книге 1997 года [Paasi 1997], которую я, помню, прочитал не отрываясь со смесью волнения, признания и благодарности.

Вскоре после нашей публикации о разграничении и упорядочении 2002 года мы более развернуто представили наши идеи в томе, получившем название «*B/ordering Space*» [Houtum et al. 2005]. В этом издании мы попросили ряд интересных ученых поразмышлять о том, каким образом пространство разграничивается и упорядочивается в разных контекстах и в разных пространственных случаях, включая государства, регионы и города. Примерно тогда же Барбара Хупер, в то время постдокторант в Неймегенском центре исследования границ, убедительно описала повседневную активность, связанную с производством и усвоением границ, как «пограничную деятельность» (*border-work*), определенную ею как «избирательное подавление и развертывание различий и идентичности», которое может осуществляться «любым социусом или социумом как регулирующим органом» [Hooper 2004: 212]. Впоследствии это понятие пограничной деятельности было подхвачено, в частности, Крисом Рамфордом [Rumford 2008], который, к сожалению, скончался несколько лет назад, в попытке подчеркнуть, что негосударственные акторы тоже участвуют в производстве границ и что это производство не ограничено пределами национальных государств [Kramsch 2020]. Поэтому, вместо того чтобы, изучая создание и подавление социально-пространственных различий, «смотреть как государство» [Scott 1998], мы, утверждал Рамфорд, должны научиться «смотреть как граница» [Rumford 2012: 896; см. также: Parker et al. 2009]. Под другим углом зрения подошел к проблеме философ Этьен Балибар, который, тоже отвергая идею фиксированных территориальных границ, высказал мысль, что границу следует рассматривать как не столько пограничную линию, сколько *пограничную область* (*borderland*) [Balibar 2004; см. также: Eker, Houtum 2013]. В аналогичном ключе Зигмунт Бауман ранее предложил термин «планетарная фронтальная область» (*planetary frontierland*) [Bauman 2000]. Впоследствии другие ученые подчеркивали и описывали это дисперсное социальное конструирование и влияние границ при помощи таких выразительных терминов, как *многократный* (*multiplied*), *диффузный* (*diffused*), *неосознаваемый* (*impalpable*), *омнивселенная* (*omniverse*), *сетевой* (*networked*), *цифровая граница* (*iborder*), *подвижный* (*mobile*), *множественный* (*multiple*), *полисемичный* (*polysemic*) и *полиморфный* (*polymorphic*) (см., в частности: [Parker et al. 2009; Amilhat Szary, Giraut 2015; Cuttitta 2015; Pötzsch 2015; Jones 2016; Burridge et al. 2017]).

Кьяра Брамбилья, опираясь среди прочего на более ранние работы Арджуна Аппадураи [Appadurai 1996], положившего начало использованию суффикса *-scape* применительно к различным социальным сферам, а также Према Кумара Раджарама и Карла Гранди-Уорра [Rajaram, Grundy-Warr 2007], которые ввели термин *пограничный ландшафт* (*borderscape*; также «пространство границы», «пограничное пространство») для выражения «перспективности, относительности и подвижности» границ, в своей статье предлагает и в самом деле рассматривать границу как пограничный ландшафт [Brambilla 2021; см. также: Brambilla, Houtum 2012; Brambilla et al. 2016]. По мнению Брамбильи, этот термин позволяет привнести в исследования границ то, что Аппадураи [Appadurai 2013] назвал «политикой надежды», то есть политикой будущих

возможностей [Brambilla 2021]. В своей новаторской работе о суффиксе *-scape*, который этимологически родствен немецкому *schaffen* и нидерландскому *scheppen* — «создавать» [Brambilla, Houtum 2012; Houtum 2015], Аппадураи подчеркивал, что «-скейпы»

...представляют собой не объективно данные отношения, выглядящие одинаково под любым углом зрения, а глубоко перспективные конструкты, меняющиеся в зависимости от исторических, лингвистических и политических обстоятельств самых разных акторов: национальных государств, транснациональных корпораций, диаспоральных сообществ, а также субнациональных групп и движений и даже таких интимных тесных общностей, как деревни, районы и семьи [Appadurai 1996: 33]³.

По оценке Брамбиллы, термин *borderscapes* позволяет критически открыть арену возможностей конструирования, очеловечить границы и принять во внимание многообразный и непохожий опыт тех, кто составляет эту границу (пограничную область), включая мигрантов и беженцев, а также гражданское общество, группы и отдельных лиц, вовлеченных в процесс (см. также: [Gielis, Houtum 2012]). А это подразумевает зоркость к инклюзивной продуктивной природе (транс)формирования мест [Brambilla 2021; Brambilla et al. 2016].

Концепт *borderscapes* открыт для различных интерпретаций. Пожалуй, даже слишком открыт, как недавно отметила Дина Кричкер [Krichker 2021]. Изучив соответствующую литературу, она обнаружила по меньшей мере семь весьма разных концептуализаций. Кричкер высказывает мысль, что в своем нынешнем понимании этот термин настолько онтологически широк и расплывчат, что ему недостает прагматической и методологической релевантности. Может, его «неотразимая туманность» и притягательна, но в ней же, по Кричкер, заключается и его ловушка [Krichker 2021]. Она предлагает придать этому понятию конкретный пространственный смысл с опорой на лефевровские представления о производстве пространства [Lefebvre 1991], как поступили также Раджарам и Гранди-Уорр [Rajaram, Grundy-Warr 2007], чтобы проанализировать конкретные способы пространственного истолкования, переживания и воображения пограничной области. В аналогичном ключе, сосредоточившись на конкретном оформлении и проектировании пограничных ландшафтов и следуя духу деноминализации термина «границы», о котором говорилось выше, Аличе Буоли превратила термин *scapes* в *borderscaping* [Buoli 2015]. Несколько позднее Винсент Пейненбург также придал этому термину конкретный, методологический и трансграничный коллaborативный оттенок в своей диссертации, в которой совместно с рядом локальных акторов разработал сценарии будущего развития немецко-нидерландского пограничья [Pijnenburg 2019] (см. также: [Eker, Houtum 2013]).

Похожая стимулирующая дискуссия о дальнейшем развитии концептов, связанных с разграничиванием, продолжает вестись еще в одном направлении. Дело в том, что идея рассматривать границу как коллективный, потенциально эмансипаторный конструкт и проект, а не просто застывший, статичный оборонительный рубеж породила еще и интересные исследования трансграничного сотрудничества в (городских) пограничных районах и во внутригородских пространствах; значительное внимание уделяет этому в своем комментарии Джеймс

3 См. также: [Rajaram, Grundy-Warr 2007; Mezzadra, Neilson 2011; Gielis, Houtum 2012; dell'Agnese, Amilhat Szary 2015; Schimanski 2015; Houtum 2015].

Скотт [Scott 2021]. Здесь я прежде всего имею в виду (хотя соответствующий ход мысли этим не исчерпывается) работу, уже проделанную для того, чтобы границы рассматривались не только как барьеры или препятствия, а с полным учетом своей двуликой природы, то есть еще и как *созидательные* пороги (resourceful thresholds), предоставляющие новые возможности, а сконструированные различия — не обязательно как помехи или нечто взыскающее гармонизации или устранения, но и как основа, которая также может служить привлекательным вкладом в трансграничное развитие [Houtum, Velde 2004; Eker, Houtum 2013; Sohn 2013; Houtum, Eker 2015; Pijnenborg 2019]. Ибо разграничение, как и инаковление, не является чем-то заведомо и однозначно дурным с моральной точки зрения, но, как убедительно доказывают и Фольмер, и Скотт, представляет собой онтологическую человеческую практику, которую можно критически и продуктивно использовать еще и как вклад в сотрудничество, как составляющую переговоров и диалога, а также волнующей встречи и привлекательной взаимосвязи [Eker, Houtum 2013; 2015; Vollmer 2021; Scott 2021].

И все же для этой дискуссии крайне важно сохранять зоркость к пространственной морали, как полагает и Пааси [Paasi 2021], то есть нормативно оценивать различия, создаваемые политикой разграничения, упорядочения и инаковления, и непрестанно критически исследовать то, каким образом, для кого, почему, зачем и когда коллективно выстраивается и проявляет себя континуум открытости и замкнутости, как мы попытались прояснить в нашей изначальной статье 2002 года и что также подчеркивает Бастиан Фольмер в своем комментарии для настоящего «Форума» [Vollmer 2021]. На это же указывают Анн-Лор Амилья Сари и Фредерик Жиро [Amilhat Szary, Giraut 2015] в своей книге о *границевенностях* (borderities), в центре которой находятся правитель(ствен)ность (governmentality) территориальных пределов и дифференцированные практики разграничения, упорядочения и инаковления в аспекте власти, доступа и мобильности. А Сара Грин в аналогичном ключе предположила, что только лучшее уяснение изменчивости границ (она называет это «границностью», borderness) позволит понять, как именно границы проявляют себя в разных местах в разное время и как создаются классификационные системы, которые «различают (или не различают) людей, места и вещи именно этим, а не каким-либо другим способом» [Green 2012: 580].

Заглядывая вперед: о стенах тщеславия и других проявлениях бордеризма

Оглядываясь назад спустя двадцать лет после нашей статьи, я с волнением вижу, что поле исследований границ, на момент написания того текста еще малоподное и по академическим меркам довольно второстепенное, разрослось и, можно сказать, превратилось в самостоятельную дисциплину, динамичную и междисциплинарную, в которой разработано множество ценных идей и получено много знаний (см. также: [Paasi 2021]). Не менее ценен для меня и тот факт, что наша концепция разграничения и упорядочения, как утверждают комментаторы в этом специальном номере, помогла исследователям границ выработать способ выхода за рамки непосредственно видимых и перформативных проявлений власти и, вместо того чтобы понимать границы как просто гегемонистские и/или проведенные «сверху вниз» линии на песке, эмансирировать и очеловечи-

чить представление о границах. И все-таки одновременно с этим наблюдается, как я уже сказал, явный подъем популистского превознесения границ, склонность к позиции «своя страна и свой народ прежде всего», к этнонационалистическим и нативистским границам [Houtum 2010b], нарциссическим *стенам тщеславия* [Boedeltje, Houtum 2020] и даже умышленному пограничному насилию [Jones 2016]. Так что если академические исследования границ могут работать с богатой и в целом эмансипаторной повесткой и искать вдохновляющие пути обогащения классического статичного взгляда на границы постмодерным и постфундаментальным изучением разграничения [Houtum 2015; Paasi 2021], то в повседневной политике, напротив, как будто наблюдается реванш или ренессанс в целом «приземленных» границ, которым придают зрелицность и о которых громогласно трубят узкие и узкобюджетные каналы социальных и тенденциозных традиционных медиа [Houtum 2009; Vollmer 2021].

Продолжающиеся несправедливости, жестокое расчеловечивание и дискриминация, присутствующие в некоторых современных практиках разграничения, упорядочения и инаковления, позорны и должны быть обличены [Houtum, Boedeltje 2009; Paasi 2021]. Для этого нужны глубокие нормативные теории справедливости, которые не только деконструировали бы способы разграничения, но и критически анализировали (нarrативные) аргументы, лежащие в основе его причин и целей (см. также: [Scott 2021]), чтобы сформулировать эмансипаторные альтернативы тому, что можно назвать *бордеризмом*, определяемым как дискриминационная политика разграничения, упорядочения и инаковления, эссенциализирующая и политизирующая человеческую ценность с опорой на принадлежность к ограниченной общности (идентичность), в которой люди родились, живут и/или откуда приехали [Houtum, Uden 2021]. Для человека, который, будучи рожден «не по ту» сторону границы, не соглашается с тем, что его жизнь и возможности определяются местом рождения, и хочет переселиться или же оказывается вынужден бежать из страны, входящей в отрицательный список, мир легальных возможностей предстает гораздо более ограниченным и опасным, чем для рожденных по другую сторону границы [Gemenne 2020]. Как отмечалось выше, прежде всего именно бумажные границы создают то, что можно назвать двойной ловушкой: ловушкой территориальной, которая подвергает людей локальному разграничению и упорядочению с точки зрения урожденности, вероисповедания и обстоятельств; и ловушкой неподвижности, которая лишает свободы издалека, обесценивая территориальное происхождение человека. Разграничивать, упорядочивать и даже угнетать и наказывать людей на основании глобальной лотереи рождения и несправедливо, и нерационально [Houtum, Uden 2021]. Поэтому я считаю, что нам нужны не только новые критические исследования ренессанса классических границ с его антагонистической *биополитикой* и позорной *некрополитикой* (политикой обречения на смерть), но и, быть может, вдумчивые контриследования, которые обсуждали бы путь вперед, к более справедливым границам в мировом масштабе [Ibid.].

Кроме того, я полагаю, что нам также необходимо продолжать строить теории и повышать (общественную) осведомленность о внутренней парадоксальности границ. О том, что границы могут быть знаками обнадеживающей мечты для одних и репрессивным кошмаром для других; что разграничение и упорядочение отвергают и вместе с тем порождают инаковление [Houtum, Naerssen 2002: 126]; что мягкие формы инаковления потенциально могут быть

еще и позитивно творческими и плодотворными [Scott 2021]; что границы могут быть суверенными, ностальгическими «маркерами принадлежности» и в то же время эмансипаторными «местами становления» [Eker, Houtum 2013; 2015; Brambilla 2021]; что применение разграничения к человеческой личности ради защиты свободы, благополучия и/или воображаемого сообщества/единства может также приводить к «саморазграничению»; и аналогичным образом — как пограничная политика, сосредоточенная на биополитическом и геополитическом иммунитете, может оборачиваться аутоиммунитетом [Houtum, Bueno Lacy 2020].

Наконец, в нашем методологическом и эмпирическом фокусе мы должны, пожалуй, сохранять бдительность, дабы не попасть в потенциально популистскую и эссенциалистскую «стенную» ловушку, которая приравнивает границы к стенам (см. также: [Brambilla 2021]), как будто возводимые стены действительно носят (медиагенный) морфологический характер или только на таковых нам следует сосредоточиваться, *quod non*. Онтологическое присутствие (см. также: [Brambilla 2021; Scott 2021]) и морфологическая структура и архитектура сегодня слишком разнообразны, чтобы относить все новые пограничные барьеры к категории простых стен. Более того, эта ловушка стены, как объяснялось выше, игнорирует более невидимые, однако столь же дискриминирующие и важные *предграницы* (визовые бумажные границы), границы, вынесенные вовне, и *постграницы* (лагеря?) [Houtum, Bueno Lacy 2020]. Кроме того, узкий фокус на стенах скрывает повседневное интерсекциональное разграничение, осуществляемое множеством акторов (больницами, школами, полицией, работодателями и т. д. [Yuval-Davis et al. 2019]), часто вдали от фактической линии границы. Эта множественность и многолокальность границ делает связанные с границами желания и опыт (см. также: [Scott 2021]), воображаемое (см. также: [Brambilla 2021]) и чувства (не)безопасности («местная безопасность», *vernacular security* [Vollmer 2021]) более условными и спорными и менее самоочевидными, чем как будто предполагает (или стремится предполагать) конкретная, бинарная граница *in situ*. В сущности, наша идея разграничения и упорядочения как раз и была предложена с целью подчеркнуть, что границу следует рассматривать (не только и) не столько как существительное или объект, сколько как глагол, то есть практику, отношение, воображение и желание. Поэтому важно интерпретировать такие пограничные стены не просто как военную оборону, которая будет стоять вечно, как хотелось бы популистам (отсюда, вероятно, их тяга представлять эти стены бетонными, стальными, каменными), а скорее как громкие провозглашения собственной власти, исходящие от (нарциссической) веры, для которой эти «стены» функционируют как перформативные столпы воображаемого храма власти. Эти и другие идеи вот уже около двадцати лет остаются предметом щедрого взаимообмена, обсуждения и разработки в области исследования границ. В этом огромное утешение и богатство, которые можно взять с собой в будущее. И они нам понадобятся. Ведь, хотя все границы, быть может, в конечном счете и недолговечны [Houtum 2020], а крикливые популисты, как мы увидели, приходят и уходят, отпечаток и влияние «высоких, толстых, красивых стен» нашего времени все же могут оказаться серьезными и долгосрочными. А значит, над чем работать явно найдется и в ближайшие двадцать лет.

Пер. с англ. Нины Ставрогиной

Библиография / References

- [Agamben 2005] — Agamben G. *State of Exception*. Chicago: University of Chicago Press, 2005.
- [Amilhat Szary, Giraut 2015] — Borderities and the Politics of Contemporary Mobile Borders / Ed. by A.-L. Amilhat Szary, F. Giraut. London: Palgrave Macmillan, 2015.
- [Anderson 1983] — Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1983.
- [Appadurai 1996] — Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
- [Appadurai 2013] — Appadurai A. *The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition*. London: Verso, 2013.
- [Balibar 2009] — Balibar E. *Europe as borderland // Environment and Planning D: Society and Space*. 2009. Vol. 27. P. 190—215.
- [Boedeltje, Houtum 2020] — Boedeltje F., Houtum H. van. *The Lie of the Wall // Peace Review*. 2020. Vol. 32/2. P. 134—139.
- [Brambilla 2021] — Brambilla C. *Revisiting ‘Bordering, Ordering and Othering’: An Invitation to ‘Migrate’ Towards A Politics of Hope // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2021. Vol. 112. No. 1. P. 11—17.
- [Brambilla et al. 2016] — Brambilla C., Laine J., Scott J.W., Bocchi G. *Borderscaping: Imaginations and Practices of Border Making*. London: Routledge, 2016.
- [Brambilla, Houtum 2012] — Brambilla C., Houtum H. van. *The Art of Being a Grenzgänger in the City of Berlin // Agora*. 2012. Vol. 4: *Borderscapes* (special issue). P. 28—31.
- [Bueno-Lacy, Houtum 2015] — Bueno-Lacy R., Houtum H. van. *Lies, Damned Lies & Maps: The EU’s Cartopolitical Invention of Europe // Journal of Contemporary European Studies*. 2015. Vol. 23. P. 477—499.
- [Buoli 2015] — Buoli A. *BorderScaping. An explorative study on the North Moroccan/Spanish border landscapes*. Milano: Politecnico di Milano/Department of Architecture and Urban Studies. 2015.
- [Burridge et al. 2017] — Burridge A., Gill N., Kocher A., Martin L. *Polymorphic Borders // Territory, Politics, Governance*. 2017. Vol. 5. P. 239—251.
- [Cuttitta 2015] — Cuttitta P. *Territorial and Nonterritorial: The Mobile Borders of Migration Controls // Borderities and the Politics of Contemporary Mobile Borders* / Ed. by A.-L. Amilhat Szary, F. Giraut. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 241—255.
- [De Genova 2018] — De Genova N. *The “Migrant Crisis” as Racial Crisis: Do Black Lives Matter in Europe? // Ethnic and Racial Studies*. 2018. Vol. 41. P. 1765—1782.
- [dell’Agnese, Amilhat Szary 2015] — dell’Agnese E., Amilhat Szary A.-L. *Borderscapes: From Border Landscapes to Border Aesthetics // Geopolitics*. 2015. Vol. 20. P. 4—13.
- [Eker, Houtum 2013] — Eker M., Houtum H. van. *Borderland: Atlas, Essays and Design. History and Future of the Border Landscape*. Wageningen: Blauwdruk, 2013.
- [Finnegan 2016] — Finnegan M. *It’s Going To Be a Big, Fat, Beautiful Wall! // Los Angeles Times*. 2016. 2 June. (<https://www.latimes.com/politics/la-na-pol-trump-california-campaign-20160602-snap-story.html> (accessed: 10.11.2024)).
- [Gemenne 2020] — Gemenne F. *On a tous un ami noir*. Paris: Fayard, 2020.
- [Gielis, Houtum 2012] — Gielis R., Houtum H. van. *Sloterdijk in the House! Dwelling in the Borderscape of Germany and The Netherlands // Geopolitics*. 2012. Vol. 17. P. 797—817.
- [Green 2012] — Green S. *A Sense of Border: The Story So Far // The Blackwell Companion to Border Studies* / Ed. by T.M. Wilson, H. Donnan. Oxford: Blackwell, 2012. P. 573—592.
- [Hooper 2004] — Hooper B. *Ontologizing the Borders of Europe // Cross-Border Governance in the European Union* / Ed. by O. Kramsch, B. Hooper. London: Routledge, 2004. P. 209—229.
- [Houtum 2005] — Houtum H. van. *The Geopolitics of Borders and Boundaries // Geopolitics*. 2005. Vol. 10. P. 672—679.
- [Houtum 2009] — Houtum H. van. *You-Cracy, The Power of People in Places // Journal of Power*. 2009. Vol. 2. P. 322—326.
- [Houtum 2010a] — Houtum H. van. *Human Blacking: The Global Apartheid of the EU’s External Border Regime // Environment and Planning D: Society and Space*. 2010. Vol. 28. P. 957—976.
- [Houtum 2010b] — Houtum H. van. *Waiting Before the Law: Kafka on the Border // Social and Legal Studies*. 2010. Vol. 19. P. 285—297.
- [Houtum 2012] — Houtum H. van. *Remapping Borders // A Companion to Border Studies* / Ed. by H. Donnan, T. Wilson. London: Blackwell, 2012. P. 405—418.
- [Houtum 2019] — Houtum H. van. *The Janus-Border of the Nomad and the Monad: An Essay on the Philosophy of B/ordering and Othering // Debating and Defining Borders: Philo-*

- sophical and Theoretical Perspectives / Ed. by A. Cooper, S. Tinning. Abingdon: Routledge, 2019. P. 181—194.
- [Houtum, Boedeltje 2009] — *Houtum H. van, Boedeltje F.* Europe's Shame: Death at the Borders // *Antipode*. 2009. Vol. 41. P. 226—230.
- [Houtum, Bueno Lacy 2019] — *Houtum H. van, Bueno Lacy R.* The Migration Map Trap. On the Invasion Arrows in the Cartography of Migration // *Mobilities*. 2019. Vol. 15. P. 196—219.
- [Houtum, Bueno Lacy 2020] — *Houtum H. van, Bueno Lacy R.* The Autoimmunity of the EU's Deadly Bordering Regime; Overcoming its Paradoxical Paper, Iron and Camp Borders // *Geopolitics*. 2020. Vol. 25. P. 706—733.
- [Houtum, Eberhard 2020] — *Houtum H. van, Eberhard R.* After the border spectacle has gone // *Human Territoriality* / Ed. by R. Eberhard. Zürich: Patrick Frey, 2020. P. 4—9.
- [Houtum, Eker 2015] — *Houtum H. van, Eker M.* BorderScapes: Redesigning the Borderland // *Territorio*. 2015. Vol. 72. P. 101—107.
- [Houtum, Naerssen 2002] — *Houtum H. van, Naerssen T. van.* Bordering, Ordering and Othering // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2002. Vol. 93. P. 125—136.
- [Houtum, Uden 2021] — *Houtum H.J. van, Uden A.M. van.* The Birth of the Paper Prison: The Global Inequality Trap of Visa Borders // *Environment and Planning C: Politics and Space*. 2021. Vol. 40/1. P. 3—30.
- [Houtum, Velde 2004] — *Houtum H. van, Velde M. van der.* The Power of Cross-Border Labour Market Immobility // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2004. Vol. 95. P. 100—107.
- [Houtum et al. 2005] — B/ordering Space / Ed. by H. van Houtum, O. Kramsch, W. Zierhofer. Aldershot: Ashgate, 2005.
- [Jones 2016] — *Jones R.* Violent Borders: Refugees and the Right to Move. New York: Verso, 2016.
- [Kramsch 2020] — *Kramsch O.T.* Remembering Chris Rumford (1958—2016) // *Journal of Borderlands Studies*. 2020. Vol. 35. P. 819—827.
- [Krichker 2021] — *Krichker D.* Making Sense of Borderscapes: Space, Imagination and Experience // *Geopolitics*. Vol. 26. P. 1224—1242.
- [Lefebvre 1991] — *Lefebvre H.* The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991.
- [Mau et al. 2015] — *Mau S., Gützau L., Laube L., Zaun N.* The Global Mobility Divide: How Visa Policies Have Evolved Over Time // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2015. Vol. 41. P. 1192—1213.
- [Mezzadra, Neilson 2011] — *Mezzadra S., Neilson B.* Borderscapes of Differential Inclusion: Subjectivity and Struggles on the Threshold of Justice's Excess // *The Borders of Justice* / Ed. by É. Balibar, S. Mezzadra, R. Samaddar. Philadelphia: Temple University Press, 2011. P. 181—203.
- [Mouffe 2000] — *Mouffe C.* The Democratic Paradox. London: Verso, 2000.
- [Paasi 1997] — *Paasi A.* Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Chichester: John Wiley & Sons, 1997.
- [Paasi 2021] — *Paasi A.* Problematazing 'Bordering, Ordering, and Othering' as Manifestations of Socio-Spatial Fetishism // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2021. Vol. 112. No. 1. P. 18—25.
- [Parker et al. 2009] — *Parker N., Vaughan-Williams N., Bialasiewicz L., Bulmer S., Carver B., Durie R., Heathershaw J., Houtum H. van, Kinnvall C., Kramsch O., Minca C., Murray A., Panjek A., Rumford C., Schaap A., Sidaway J., Williams J.* Lines in the Sand? Towards an Agenda for Critical Border Studies // *Geopolitics*. 2009. Vol. 14. P. 582—587.
- [Pijnenburg 2019] — *Pijnenburg V.* Collaborative Borderscaping in the Dutch-German Borderland. Towards a Cross-Border Practice in Spatial Planning. Nijmegen: Radboud University, 2019.
- [Pötzsch 2015] — *Pötzsch H.* The Emergence of iBorder: Bordering Bodies, Networks, and Machines // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2015. Vol. 33. P. 101—118.
- [Rajaram, Grundy-Warr 2007] — *Borderscapes. Hidden Geographies and Politics at Territory's Edge* / Ed. by P. Rajaram, C. Grundy-Warr. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007.
- [Rumford 2008] — *Rumford C.* Citizens and Borderwork in Contemporary Europe. London: Routledge, 2008.
- [Rumford 2012] — *Rumford C.* Towards a Multi-perspectival Study of Borders // *Geopolitics*. 2012. Vol. 17. P. 887—902.
- [Schimanski 2015] — *Schimanski J.* Border Aesthetics and Cultural Distancing in the Norwegian-Russian Borderscape // *Geopolitics*. 2015. Vol. 20. P. 35—55.
- [Schimanski, Wolfe 2017] — *Border Aesthetics. Concepts and Intersections* / Ed. by J. Schimanski, S.F. Wolfe. New York: Berghahn, 2017.
- [Scott 1998] — *Scott J.C.* Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998.
- [Scott 2021] — *Scott J.W.* Bordering, Ordering and Everyday Cognitive Geographies // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2021. Vol. 112. No. 1. P. 26—33.
- [Sibley 1998] — *Sibley D.* Survey 13: Purification of Space // *Environment and Planning D: Society and Space*. 1998. Vol. 6. P. 409—421.

- [Sohn 2013] — Sohn C. The Border as a Resource in the Global Urban Space: A Contribution to the Crossborder Metropolis Hypothesis // International Journal of Urban and Regional Research. 2013. Vol. 38. P. 1697—1711.
- [Vallet, David 2012] — Vallet E., David C.-P. Introduction: The (Re)Building of the Wall in International Relations // Journal of Borderlands Studies. 2012. Vol. 27. P. 111—119.
- [Vollmer 2021] — Vollmer B.A. Categories, Practices and the Self — Reflections on Bordering, Ordering and Othering // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2021. Vol. 112. No. 1. P. 4—10.
- [Wastl-Walter 2011] — Wastl-Walter D. The Routledge Research Companion to Border Studies. Surrey: Ashgate, 2011.
- [Wolf 1982] — Wolf E.R. Europe and the People Without History. Berkeley: University of California Press, 1982.
- [Yuval-Davis et al. 2019] — Yuval-Davis N., Wemyss G., Cassidy K. Bordering. Cambridge: Polity, 2019.